

Воспоминания о прошлых событиях, связанных с началом «погружения» в профессию палеонтолога

Захаров В.А.

Геологический институт РАН, г. Москва; mzarctic@gmail.com

*Куда бы нас ни бросила судьбина,
Пускай года, как дни, бегут,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Горный институт*

Преамбула

Перевалив Урал, поезд стремительно уносил нас с супругой из Сибири на постоянное место жительства в Москву. По обеим сторонам дороги под жаркими лучами солнца ярким розовым цветом вспыхивали пятна кипрея (Иван-чая), извещая о середине лета 2000г.

Мысли стремительно возвращали меня в прожитое. В одно мгновение я оказывался на десять, двадцать, тридцать, сорок лет в прошлом. Все эти годы я провел, по существу, в одной точке: в Новосибирске, в Академгородке, работая в Институте геологии и геофизики, а последние 3 года в отмежевавшемся от него Институте геологии нефти и газа Сибирского отделения АН СССР, а затем РАН. И вот после сорокалетнего пребывания в Сибири я возвращаюсь на запад, где родился и обрел профессию геолога. Чем вызвано это решение: стремлением начать новую жизнь или бегством от возникших в 90-е годы проблем в академической науке? Под мерный стук колес я пытался объективно ответить на этот вопрос. Но не мог найти однозначного ответа (или его не существовало). В главном сомнений не было: прожитые годы были благополучными как в отношении семейной жизни, так и результатов работы в институте.

Ленинград – Новосибирск

Прощание с Горным институтом

В мае 1960 г., примерно за месяц до защиты дипломных проектов, в Ленинградском Горном институте шло распределение на работу будущих горных инженеров – геологов. Во время обсуждения моей кандидатуры возникло небольшое замешательство. На столе

комиссии по распределению выпускников лежало письмо за подписью члена-корреспондента АН СССР Б.С. Соколова с просьбой направить Захарова В.А. в Институт геологии и геофизики СО АН СССР для научной работы в области палеонтологии и стратиграфии. Однако это письмо не являлось официальным документом для членов комиссии и, стало быть, не могло послужить основанием для распределения. Неожиданно для меня на комиссию пришел Борис Васильевич Наливкин, заведовавший тогда кафедрой палеонтологии, и попросил слова. Он сказал, что в течение всех пяти лет обучения на геологоразведочном факультете и кафедре месторождений рудных полезных ископаемых Виктор Захаров параллельно интенсивно занимался ископаемыми моллюсками в палеонтологическом отделе Горного музея и на кафедрах палеонтологии и исторической геологии. По итогам этих работ он представлял доклады на научных студенческих конференциях, один из которых был рекомендован проф. В.И. Бодылевским к публикации в Ученых записках Ленинградского Горного института. «Я не помню столь же устойчивого интереса к палеонтологии ни у одного студента не только по специальности РМ [разведка месторождений – прим. авт.], но и ГСПС [геологическая съемка и поиски полезных ископаемых – прим. авт.]. Палеонтология много потеряет, если Виктор Захаров не будет работать в этом научном направлении». Надо сказать, что наиболее весомым в комиссии было слово начальника по кадрам. А она (к сожалению, я забыл, как ее звали) сказала следующее: «К нам поступала заявка на молодых специалистов из Сибирского отделения АН, которая позже была отозвана.

Давайте сделаем вид, что мы не получали этого отзыва». С этим доводом все члены комиссии единодушно согласились. Так была решена моя судьба, как палеонтолога.

Сказать, что распределение на исследовательскую работу в академический институт по научному направлению «палеонтология» меня окрылило, это значит не отразить и малой доли того подъема и вдохновения, которое я испытал, постепенно осозная случившееся. То, о чем я мечтал последнее время, вдруг стало реальностью. Ведь в противном случае мне предстояло провести ближайшие три года на каком-нибудь руднике в Магаданской области и только затем поступить в аспирантуру на специальность «Палеонтология и стратиграфия». Такие были в то время порядки: даже «красный» диплом не давал права на поступление в аспирантуру сразу по окончании ВУЗа — требовался производственный стаж не менее 3-х лет. В случае развития событий по второму сценарию, мне предстояло форсировать создание семьи — для того, чтобы получить право на прописку в Ленинграде, дающую, в свою очередь, право на возвращение после работы на Крайнем Севере. Это меня тяготило, поскольку я считал, что жениться следует лишь после обретения квартиры или, хотя бы, комнаты. Распределение в Новосибирск решало все эти проблемы.

О случившемся я немедленно сообщил заведующему лабораторией палеонтологии и стратиграфии мезозоя и кайнозоя в Институте геологии и геофизики СО АН СССР (ИГиГ), в которой я должен был работать, член-корреспонденту АН Владимиру Николаевичу Саксу. К счастью, В.Н. был в это время в Ленинграде и находился по месту своей прежней работы в НИИГА (Научно-исследовательском институте геологии Арктики). Поздравив меня с назначением, В.Н. попросил прибыть к нему в удобное время. Насколько помню, я был у него в тот же день. В.Н. встретил меня в присущей ему манере: чуть наклонившись, пожал руку и с улыбкой пригласил сесть. По правде сказать, мне показалось странным, что столь видный ученый (о значении работ В.Н. для четвертичной геологии Советской Арктики мне не раз говорил проф. В.И. Бодылевский) сидел в сравнительно небольшой комнате, и его рабочий стол ничем не выделялся среди еще трех или четырех, находившихся здесь же. Из беседы с В.Н. я узнал, что «штатной единицы» в Институте геологии и геофизики под меня, действительно, нет. Но он тут же принялся меня успокаивать, что нужная единица непременно будет получена еще до осени. Пока же В.Н. настоятельно рекомендовал

мне поехать на полевые работы на Северо-Восток, в Магаданскую область, в составе отряда под руководством молодого кандидата геолого-минералогических наук А.С. Дагиса — сотрудника лаборатории, в которую планировалось и мое зачисление (Гольдин и др., 2002; всего 26 фамилий). В отряде, как заверил В.Н., должна была быть предусмотрена временная должность старшего лаборанта, с которой начинали работу в академических институтах все выпускники вузов. Я, конечно, согласился, но предупредил, что в июле обязан пройти военные лагеря в Карелии для получения офицерского звания. Я также знал, что есть возможность сделать это на месяц раньше, если защитить дипломный проект в мае, а не в июне, как было положено по плану. Я заверил В.Н., что приложу все усилия, чтобы прибыть в Новосибирск в конце июня. Все так и получилось.

Новосибирск — Магадан

Полевые работы лета 1960 года.

Добравшись поездом до Новосибирска, я оформил свое зачисление в Институт геологии и геофизики и сразу же получил командировочное удостоверение в Магадан (СВКНИИ СО РАН) и впервые в жизни долетел на реактивном самолете ТУ-104 до г. Хабаровска, и пересев на АН-24, добрался до Магадана. В начале июля я уже ехал по магаданской трассе в открытом грузовике в направлении к пос. Омсукчан, недалеко от которого, в бассейне р. Вилиги работал стратиграфо-палеонтологический отряд под руководством А.С. Дагиса. Знаменитая трасса к началу июля была уже хорошо накатана. Автомобиль на приличной скорости шел на запад, углубляясь в разрезанные падами и поросшие преимущественно лиственницей сопки. День был жаркий. Я сидел в одной рубашке на откидной скамейке у борта машины. Ближе к вечеру, поднимающийся из ущелий сырой свежий воздух, проникая за одежду, приятно облекал и охлаждал нагретое за день тело. Тогда я еще не ведал, что за это удовольствие вскоре придется дорого заплатить. В центре пос. Омсукчан рядом со зданием геологического управления мне повезло сразу же найти грузовую автомашину, вскоре направлявшуюся в расположенный на р. Вилиге поселок орочей, по дороге на который в тайге, на одном из ручьев, впадающих в р. Вилигу, стоял палаточный лагерь новосибирских геологов. Здесь меня приняли радушно. Сразу, как принято у геологов, напоили крепким чаем и угостили лососевой икрой, которую позже мы ели ложками прямо «из тазика». После утомительного дня я заснул мертвым сном и подъем ран-

ним утром следующего дня меня отнюдь не вдохновил. Я бодро сел, не вылезая из спального мешка, и вдруг острая режущая боль пронзила спину и отдалась в ногах. С большим трудом я выполз из мешка и попытался наверх портянки, чтобы одеть резиновые сапоги. Каждое движение сопровождалось острой резкой болью в пояснице. Предстоял длительный маршрут на пограничные слои триаса и юры, и я решил в нем участвовать. Надо ли говорить, что путь длиной около 10 км в одну сторону дался мне нелегко. Особенно запомнился переход через лежавшее на пути болото: каждый неудачный шаг, когда нога соскальзывала с кочки, отдавался молниеносной болью не только в пояснице, но даже, как мне казалось, в затылке. Так в возрасте 23 лет я обрел первую профессиональную болезнь геолога, широко известную в народе под названием радикулит, а в более узких кругах медиков — как люмбаго. Она со мной до сих пор. Теперь я часто вспоминаю учителя палеонтологии студенческих лет Б.В. Наливкина, страдавшего болезнями в преклонном возрасте, отвечавшего на мой вопрос: «Ну, как Б.В., прошла болезнь (и называл ту, о которой слышал в предыдущий приезд)?» — «Болезни, Витенька, с возрастом не проходят, они только накапливаются». А тогда молодой организм все же взял свое: через неделю я начал забывать о своей нектасти полученной болезни. Рецидива, к счастью, как в этом сезоне, так и ряде последующих, уже в заполярных условиях, не было.

Рабочих начальнику геологического отряда приходилось нанимать в г. Магадане из числа местных жителей, которые, в основном, делились на две категории: прибывшие на крайний север по собственному желанию, с целью заработать хорошие деньги и получить социальные льготы, и присланные туда против желания. Как нетрудно предположить, вербовать в геологические экспедиции приходилось из второй категории (кто же ради двух-трех месяцев относительно «вольной» жизни в тайге оставит хорошо оплачиваемую стабильную работу?). Наши трое нанятых мужчин возрастом от 30 до 45 лет представляли довольно колоритную группу.

Наиболее цельной личностью был Бандит (назовем его так, поскольку имя его я не помню, да и так ли это важно), осужденный за разбой и вышедший на волю из лагеря. После отсидки он был оставлен на поселение и обязан отмечаться в милиции г. Магадана каждые полгода. Среднего роста, худощавый с маленькими близко посаженными к чуть крючковатому носу на узком загорелом и обветренном лице глазами. Он казался угрюмым и молчаливым и поначалу не вызывал у

меня симпатий. В геологические маршруты Бандит ходил неохотно, но, когда наступала очередь дежурить по лагерю или во время рыбалки, он весь преображался. В этих ситуациях он действовал очень энергично и эффективно. Из найденной на дороге автомобильной рессоры он сделал нож, внешне грубый, но очень удобный для разных работ по лагерю. Закалил его и остро заточил, используя куски горных пород разного состава, собранных в ручье. С ножом он не расставался, разделявая дичь или рыбу, насаживая рукоятку на геологический молоток или черенок на лопату, обстругивая молодые деревца для изготовления шеста, клина на растяжку палатки или удилица. Все это делалось ловко и быстро. Так же сноровисто он управлялся и с небольшим неводом, с помощью которого из заводей мелководной р. Вилиги мы вытаскивали на берег шедших на нерест лососей. Принятый А.С. Дагисом командный стиль управления отрядом был ему не по душе, и оттого между ними происходили частые стычки. Помню, что последним аргументом у А.С. в споре с Бандитом была фраза: «Я дам тебе такую характеристику, что век не увидишь материка». Надо отдать должное А.С.: даже когда дело доходило почти до драки, он не уступал, хотя не мог не знать, что Бандит способен на «крайние меры».

Мои отношения с Бандитом складывались постепенно и благоприятно для меня. В начале, нашему сближению способствовало выше описанное событие с «люмбаго». Бандит сразу предложил мне помощь в лечении недомогания. Вечером первого же дня он растер мне поясницу, используя спирт, а на ночь обернул поясницу шерстяным полотенцем. Последующие вечерние процедуры сопровождалась втиранием настойки, в которой чувствовался спирт и запах, вероятно, иголок лиственницы. Точный состав смеси мне не был известен. В итоге через три дня я уже забыл о болях. В полевых условиях было не так уж много ситуаций, требующих поддержки окружающих. Часто «выходило из строя» личное снаряжение. В особенности, ломающиеся деревянные рукоятки геологических молотков (современных тогда не было), из-за чего возникала необходимость фиксировать насадку, лезвия ножей, лямки рюкзаков, резиновые сапоги (точнее, отверстия в них) или что-то подобное. Бандит никогда не отказывал мне в помощи. К концу сезона он подарил мне нож, сделанный из рессоры, который, впоследствии, я многие годы брал с собой в экспедиции.

Невозможно не упомянуть и случай, имевший место уже в г. Магадане, в завер-

шение моих отношений с Бандитом. По моему, на второй день после возвращения в город с полевых работ, Бандит пригласил меня в единственный тогда ресторан. Сразу заказал алкоголь, который был представлен в двух видах: спирт и вино. В то время я ещё не привык к потреблению крепких напитков, поэтому согласился на вино. Официант принес два графинчика: с прозрачным белым напитком и напитком красного цвета. Рядом поставил большой графин с водой. Закуска, естественно, состояла из соленой лососевой рыбы. Два 100-граммовых граненых стаканчика до краёв наполнились напитками, соответственно, белого и красного цвета. «Ну, за дружбу – до дна!», – решительно произнес партнер по столу. После «осушения» стаканчика у меня перехватило дыхание. Бандит услужливо пододвинул мне большой стакан с водой: «*Пей быстро*». Оказалось, что «вином» назывался спирт, подкрашенный клюквенным соком. Других напитков в ресторане в то время не было, поскольку корабли с продуктами питания и алкоголем с Материка либо еще не дошли до магаданской гавани, либо «груз» находился на складах до заморозков.

Работали мы, по обыкновению, много и интенсивно. Маршруты начинались рано утром, когда было еще прохладно. Днем же температура воздуха достигала +25°C. Надетая с утра телогрейка к полудню становилась обузой. Свои теплые вещи мужчины обычно складывали в рюкзак. В тот сезон с нами работала молодая субтильная дама-литолог Л. Жидкова из ВСЕГЕИ, которая не брала с собой рюкзака. Рюкзак с образцами носил один из закрепленных за ней рабочих. Этот рабочий также брал на себя транспортировку телогрейки дамы-литолога. Так поступали и другие рабочие, но не Бандит. Он принципиально отказывался нести теплую одежду дамы. Насколько я помню, преодолеть это сопротивление Дагису не удалось ни разу.

Весьма колоритной личностью был 30-летний Витя-Хулиган. Свой срок он отбывал за мелкое воровство и хулиганство. Как и Бандиту, после выхода из тюрьмы ему было поставлено условие: покинешь Магадан, только имея положительную характеристику с места последней работы. Взять на работу в г. Магадане человека после «отсидки» не решился никто, поэтому Витя-Хулиган был крайне признателен Дагису за то, что тот принял его в геологическую партию. Небольшого роста, но довольно крепкого телосложения, круглолицый, словоохотливый и приветливый. Это был единственный человек в лагере, который не только во всем слушался Дагиса, но и выполнял его команды беспре-

кословно. В отличие от Бандита, он охотно ходил в геологические маршруты. На обнажениях работал исступленно: часами тяжелой киркой мог выворачивать огромные плиты аргиллитов и искать на них отпечатки окаменелостей. Эффективность такого метода поисков ископаемых моллюсков была весьма высока, и я сразу перенял у Вити-Хулигана этот подход. С таким же азартом он «заводил» невод, разделявал рыбу и очищал от пленки икру. Однако настроение у Вити-Хулигана менялось почти мгновенно: вот только что он смеялся без особого повода и вдруг – вспышка гнева, крутой мат на повышенных тонах и угрозы в адрес обидчика. Кричал он, правда, только на Васю-Алиментщика, еще одного рабочего, внешне незлобивого и добродушного человека лет 40–45 пяти, сбежавшего из средней полосы России от жены и троих детей. В отряд он пошел лишь потому, что с денежной полевой добавки к окладу (а она составляла 150% от оклада) брать алименты не положено. Вася-Алиментщик на рожон не лез, с начальством не спорил, но если позволяла ситуация, то уклонялся от любой работы или выполнял ее в минимальном объеме. Несмотря на стоявшую в июле и начале августа жару, он предпочитал ходить в телогрейке, иногда, правда, на голое тело. Утром поднимались с трудом все, но последним из палатки выползал Вася-Алиментщик. Своим поведением и поступками он в чем-то напоминал литературного героя-мошенника Паниковского из «Золотого тельца». В особенности это проявлялось по отношению к начальству, которому он всегда старался угодить: в периоды дежурства по кухне лучшие куски Вася-Алиментщик старался положить себе и начальнику отряда. Надо ли говорить, что выпить любили все трое, но только Вася-Алиментщик постоянно канючил и унижался, вымаливая «хотя бы пару капель». Своих «братьев по классу» он сторонился, предпочитая разговоры только с геологами.

Геологов было трое. Кроме уже не раз выше упомянутого начальника отряда А.С. Дагиса и литолога Л. Жидковой, оставался еще я, только что сошедший со студенческой скамьи. Поначалу наши отношения с А.С. складывались как нельзя благоприятно. Тон задавал Дагис. Он располагал к себе непринужденным отношением «на равных». Первое впечатление от общения с ним можно было бы точным образом охарактеризовать словами «свой парень». Однако по истечении времени и по мере возникновения разных ситуаций, это первое впечатление постепенно трансформировалось в более сложное и неоднозначное. Хотя коллектив не был много-

численным, он, как и любой другой, состоял из разных личностей. Это были взрослые люди, со своими характерами, наклонностями и привычками. Наконец, каждый из нас прошел свою школу жизни. Нельзя одинаково управлять не только малограмотным жуликом-рецидивистом и специалистом с высшим образованием, но и жуликами числом более одного. Принятый Дагисом армейский стиль управления всеми без исключения членами отряда не мог быть одинаково эффективен. Вскоре начались словесные, а затем и физические столкновения, о которых я упомянул выше.

Наша с ним первая стычка произошла во время маршрута на разрез нижней юры по р. Вилиге. Август перевалил на вторую половину. Погода стояла замечательная. По ночам случались заморозки, но днем, особенно ко второй половине, было солнечно и тепло. Работали мы с двухместной резиновой лодкой, с помощью которой переправлялись через узкие и не глубокие, но бурные протоки, на которые в августе разделилась река. Однажды вся группа, состоявшая из 5 человек, приступила к изучению выходов пород на правом, противоположном от лагеря берегу. Как обычно, мы начали описание разреза стратиграфически снизу вверх. Поначалу окаменелости встречались довольно редко. Мы потратили немало времени, чтобы найти несколько ключевых для определения геологического возраста пород таксонов. Время перевалило за полдень. В поисках более продуктивных пластов мы с Витей-Хулиганом несколько отстали от группы Дагиса. И тут вдруг, среди туфогенного аргиллита мы наткнулись на пласт чистых терригенных пород с обильными остатками важного для стратиграфии нижней юры рода двустворок *Otaripiria*. Забыв обо всем, мы энергично принялись за дело, расщепляя пласт на плиты и выколачивая из них один экземпляр за другим. Закончив упаковку коллекции, мы двинулись следом за группой Дагиса и обнаружили её по другую сторону от довольно широкой протоки. Я попросил А.С. послать за нами лодку с рабочим. Совершенно неожиданно для нас он отказался это сделать, ссылаясь на то, что лодка у нас одна, и он не намерен ею рисковать, учитывая возможность прокола о скалистый берег. «Идите на пережат и перейдите реку вброд: чай не барышни, не растаете», — был его ответ. Никакие уговоры и ссылки на отсутствие резиновых сапог, ледяную воду и тяжелые рюкзаки не возымели действия. Пришлось идти несколько сотен метров вдоль берега вверх по течению реки и, сняв не только обувь, но и штаны, переходить реку по острым и скольз-

ким камням в бурной ледяной воде, доходившей нам почти до пояса. Объяснение было бурным, но коротким. В ответ на мое возмущение столь жестокому отношению к людям, было заявлено: «Я здесь хозяин, и делаю, как считаю нужным». На это я заметил: «Ты не хозяин, а начальник отряда, временно поставленный им руководить. Между начальником и хозяином большая разница». Позже я много раз убеждался, что А.С. этой разницы не понимал. Еще не один год мы сохраняли дружеские отношения, но описанная сцена уже не способствовала душевному сближению.

К концу августа приметы осени становились все отчетливее: первыми пожелтели осины и кусты вдоль реки, и даже отдельные ветки лиственниц покрылись коричневым налетом. Мы начали готовиться к отъезду. Как-то вечером обсуждали возможность транспортировки лососевой икры в Новосибирск и Ленинград. Вероятность сохранения была невелика, поскольку мы не располагали консервантами. А продукт привезти хотелось не просто соленым, а малосоленным. На совете сошлись на том, что после засолки икры и заполнения емкостей (двадцатилитровых канистр) для консервации ее следует покрыть растительным маслом. Для получения нескольких десятков литров икры необходимо было извлечь из реки сотни голов лососей. В реке в это время еще стояли стаи кеты, но наше внимание привлекли очень крупные и красивые рыбины, кем-то из рабочих названные кумжей. Они находились в самых глубоких впадинах дна реки. Однако попытки извлечь этих рыб из омутов не увенчались успехом. Омуты оказались слишком глубокими для нашего довольно узкого и короткого невода, рыбины легко уходили из него вглубь. Пришлось довольствоваться кетой. Рыбы в невод попадалось так много, что нам не удавалось выволочь его на сушу полностью: особи извлекались из воды и выбрасывались на берег. Здесь на клеёнке рабочие распарывали животы, извлекали икру, а рыбу оставляли на берегу. Взять ее не было желания, да и никакой возможности: у нас не было ни бочек, ни соли для консервации. Вечером все были заняты отделением икры от пленки. Икру разбивали в эмалированных тазаках с помощью унизанной гвоздями деревянной вертушки. Тонкая часть вертушки вращалась ладонями рук, а пленка наматывалась на гвозди, набитые на утолщенной, погруженной в икру части. Занятие это не только утомительное, но и физически тяжелое. Вспоминать о затее транспортировки «продукта» на континент в особенности досадно, потому что почти всю икру пришлось вылить в унитаз еще в аэропорту г. Магада-

на. Даже при хорошем раскладе: низкой температуре воздуха и безостановочном следовании по всему маршруту от р. Вилиги до г. Новосибирска было мало шансов сохранить малосольную икру свежей. Положение дел усугубилось не только тем, что установилась жаркая погода, но еще и постоянными задержками: сначала опоздал на двое суток грузовик, на котором отряд добирался до г. Магадана, а затем мы не смогли вылететь в срок из аэропорта, поскольку не было билетов на самолет. Когда наконец билеты были на руках, кто-то решил проверить качество икры, открыв одну из 20-ти литровых канистр. Ударивший в нос резкий запах сильно квашеной капусты не оставил сомнений в отношении дальнейших действий. Рубиново-го цвета крупная кетовая икра в белоснежном унитазе – эта картина до сих пор стоит в моих глазах, так как именно мне, как младшему, было поручено выполнить эту последнюю на магаданской земле миссию.

По возвращении в Новосибирск, когда встал вопрос о дальнейшей специализации в лаборатории, А.С. Дагис предложил мне остаться в его группе и заняться аммонитами и биостратиграфией нижней юры Северо-Востока Азии. «Группа почти не изучена, а зональная шкала не разработана. Так, что ты быстро защитишься и будешь иметь хорошую перспективу на будущее», – убеждал он меня. Я отказался по двум мотивам: мне хотелось заняться двустворками, поскольку бентосные группы наиболее эффективны при палеоэкологических исследованиях, которыми я с увлечением занимался со студенческих лет, и еще я очень хорошо запомнил причины конфликтов с Дагисом во время полевых работ 1960 года. О своем желании я сообщил В.Н. Саксу, который, несмотря на определенное давление со стороны Дагиса, не отказал мне в просьбе работать по двустворчатым моллюскам верхней юры и нижнего мела севера Сибири.

Новосибирск – Красноярск – Хатанга

Полевые работы в Арктике 1961 года: полуостров Таймыр

Итак, я оказался в создаваемом в ту пору В.Н. Саксом междуведомственным коллективе. В соответствии с программой междисциплинарных исследований морской верхней юры и нижнего мела Сибири, В.Н. планировал одновременно изучать, по возможности, все наиболее значимые для стратиграфии группы ископаемых организмов. С этой целью он намеревался пригласить из Ленинградских институтов для работы в ИГиГ уже хорошо зарекомендовавших себя специалистов по аммонитам: Михаила Семеновича

Месежникова из ВНИГРИ (на верхнюю юру) и Наталью Иосифовну Шульгину из НИИГА (на нижний мел) (Захаров, 2003; Юдовный, Басов, 2007). Фораминифер и остракод изучал Валерий Александрович Басов (Материалы..., 2013), за мной были двустворки, а сам В.Н. взялся за белемнитов. Вещественный состав пород исследовала Зинаида Зиновьевна Ронкина и Ефим Григорьевич Юдовный (НИИГА) (Захаров, 2001).

Вся эта команда вместе с немногочисленными помощниками (радист-повар из НИИГА, лаборантка из ВНИГРИ и студент из НГУ) составила единый экспедиционный отряд, который летом 1961 года направился на север Сибири исследовать разрезы верхней юры и нижнего мела, о которых в то время мало что было известно. Одна из негативных сторон экспедиционных выездов – это трудности организации. Теперешние руководители геологических отрядов полагают, что раньше все было проще. Они ошибаются. Существовал, например, запрет на назначение начальниками отрядов старших лаборантов. Чтобы преодолеть эту преграду и сделать меня начальником отряда, В.Н. пришлось приложить немалые усилия (вплоть до обращения к директору А.А. Трофимуку). Экспедиционное снаряжение заказывалось заранее, но это не значит, что заказы выполнялись полностью. Всегда были дефицитны меховые вещи, а В.Н., в традициях организации арктических экспедиций Института геологии Арктики, требовал меховые спальные мешки и меховые же куртки и костюмы. Так что приходилось тормозить снабженцев, чтобы получить нужные вещи. В наши дни может показаться надуманной проблема продуктов питания. В советское время начальники отрядов заранее подавали заявки в Сибкадемснаб на продукты длительного хранения (консервированное мясо – тушенку, сосисочный фарш, сгущенное молоко, кофе и какао, сахар, чай и пр.). Эти продукты по специальной накладной мы получали на складах Сибкадемснаба перед отъездом в экспедицию. Объем каждого продукта рассчитывался, исходя из численного состава отряда и продолжительности полевого периода. Принимался во внимание район работ: предпочтение отдавалось отрядам, работавшим на Крайнем Севере. Обычно в заявках фигурировали цифры, превышающие действительную потребность отряда: мясная тушенка и сгущенка были желанным продуктом и их старались сберечь для семьи.

Отряд состоял из трех человек: кроме нас с В.Н., в нем был еще Абрам – студент-математик из НГУ. В конце июня 1961 года экспедиционное снаряжение и продукты бы-

ли упакованы в баулы, вьючные сумы и окорванные железом вьючные ящики. Мы были готовы тронуться в путь. Добраться до пос. Хатанга на севере Красноярского края, где располагалась база НИИГА и откуда экспедиция планировала маршруты на геологические разрезы, можно было только самолетом. Самолет в Хатангу летал из г. Красноярска один раз в неделю, кажется, по субботам. Мы решили лететь из г. Новосибирска в пятницу, чтобы заранее обеспечить себя местами в самолет. Каково же было наше огорчение, когда, прибыв вечером из городского а/п г. Новосибирска в городской а/п г. Красноярска, мы узнали об отсутствии мест на рейс Красноярск – Хатанга. В.Н. принял решение провести предстоящую неделю в Красноярске. О недельной задержке с вылетом мы известии телеграммой находившегося в Хатанге Е.Г. Юдовного (Захаров, 2009).

Разрешение на поселение в гостинице при аэропорте мог дать только начальник аэропорта, а он явился на работу лишь в понедельник. Так что в гостиницу вначале поселили только В.Н., а мы со студентом провели две ночи в расположенном поблизости общежитии медицинского института. Надо сказать, что в Красноярске мы не скучали, тем более, что погода нам благоприятствовала. Во-первых, мы ознакомились со всеми городскими достопримечательностями: обошли центральные улицы, посетили музей Сурикова и Краеведческий, сходили к ныне широко известной, благодаря изображению на десятирублевой купюре, часовне, купались в Енисее; во-вторых, мы совершили длительный поход в знаменитый заповедник «Столбы», где провели полный день. В.Н. взял с собой несколько книг художественной классики (среди них я запомнил «Маленького принца» Экзюпери, «Нейлоновый век» Эльзы Триоле и письма И. Тургенева к П. Виардо), которые мы все прочитали.

Билеты были в кармане, поэтому казалось, что дорога на Хатангу нам открыта. Однако, при посадке нас вновь постигло разочарование: груз не разрешили отправить тем же рейсом. Никакие уговоры не помогли: начальник отдела перевозок твердо отказал, но пообещал, что через день следом за нами снаряжение будет отправлено грузовым рейсом. Свое обещание он «почти» выполнил: груз пришел в Хатангу на третий день после нашего прибытия. В Хатанге нас встретили собравшиеся здесь участники экспедиции. Поселились мы в единственном, приспособленном для жилья домике, окрещенном его временными жильцами «Индией» из-за постоянной переселенности. Одноэтажный домик представлял собой мазанку, стоящую

у края главной дороги в аэропорт. Нары в домике были сооружены на двух уровнях и не имели перегородок. По существу, это были два настила из пиленых не струганных досок. Жильцы клали на эти нары спальные мешки и лежали вповалку. В.Н. жил вместе с нами. Все наши попытки уговорить его поселиться в гостиницу речного порта им решительно отвергались. В том году ему исполнилось 50 лет (Захаров, 2001).

Первый вылет был запланирован на север, на южные склоны гор Бырранга (р. Дябака-Тари), на разрез, как предполагалось, волжского яруса, но мы не исключали встретить и отложения иного возраста. Первым рейсом на самолете АН-2 с опытным пилотом Пидопличко летели мы с Ефимом Юдовным, Михаилом Месежниковым, Валентиной Балаганской (помощница М.С.) и Валерием Басовым. После приземления мы поняли, что место выбрано неудачно – слишком далеко от обнажения, поэтому мы просили летчика посадить вторую группу выше по реке. Самолет улетел, а мы приступили к загрузке надувной резиновой лодки, чтобы перебросить снаряжение к месту предполагаемого лагеря бичевой тягой. Вскоре наша группа направилась вверх по реке. Встречное течение было мощным и бурным. Нам приходилось прилагать немалые усилия, чтобы его преодолеть. Нос лодки зарывался в воду, и временами ее захлестывало волнами. Местами мы «впрягались» втроем, чтобы пройти наиболее тяжелое место. На одном из таких участков шедшая позади группы Валентина вдруг воскликнула: «Примус плышет!». Мы встали и с удивлением взирали на уходящий в поток примус, а следом за ним какой-то сверток. После короткого замешательства кто-то сообразил, что все эти вещи – часть снаряжения, выпавшего из-под дна лодки. Вытянув лодку на берег, мы обнаружили на ее дне довольно обширное рваное отверстие, через которое и выпадали предметы полевого быта. Пришлось лодку разгрузить, сушить ее и вещи. Затем мы почистили дно, чтобы наложить на отверстие резиновую заплату. За этим занятием нас и застал В.Н. Сакс с оставшейся частью отряда, который к этому времени благополучно приземлился на новой точке и пришел узнать, что же это мы так долго стоим на одном месте. Пока мы поднимались по реке и ставили палатки, прошло значительное время, и после ужина только мы с М.С. Месежниковым выразили желание дойти до обнажения. Расстояние от лагеря до крутого и протяженного обрыва по правому берегу реки Дябака-Тари составляло не более полутора километров. Когда мы подошли к его подножью, у нас перехватило

дыхание: весь берег был усеян прекрасной сохранности окаменелостями. Особенно много было двустворок: повсюду белели створки крупных изогномонов, крупных пектенид, окситом, устриц и разнообразных десмодонт. Присмотревшись, мы обнаружили большого диаметра раковины аммонитов-перисфинктид (позднее М.С. выделил по ним новый для науки род *Taimyrosphinctes*). Местами были видны скопления брахиопод. Несмотря на позднее время (около 22:00) обнажение хорошо освещалось косыми лучами висевшего над горизонтом солнца полярного дня. Зрелище было впечатляющим. В течение некоторого времени мы осторожно осмотрели осыпь, а затем, сильно возбужденные, поспешили в лагерь. В.Н. еще не спал, и мы поделились с ним только что увиденным. Утомленные физическими и психологическими нагрузками прошедшего дня и в предчувствии удовольствия от дня завтрашнего, все крепко заснули. Но отоспаться нам не было суждено: ночью разразилась буря с дождем и ураганным ветром. Палатки были сорваны мгновенно. Потемнело. Порывы ветра продолжались более часа. Все это время, полуодетые, мы пытались закрепить палатки, используя крупные камни-валуны. Наконец, ветер ослаб. Палатки удалось укрепить, и, забравшись мокрыми в спальные мешки, кто мог, постарались заснуть. Наконец, усталость взяла свое, лагерь замер и ожил только поздним утром. После завтрака, когда многие уже были готовы к маршруту и направились к берегу реки, чтобы переправиться на другой берег, оказалось, что резиновые лодки отсутствуют. В бинокль они были обнаружены на противоположном берегу, далеко в тундре. Как форсировать реку? Дело спасла продырявленная накануне лодка, которую оставили для просушки в спущенном состоянии. На ней удалось пересечь сильно поднявшуюся после ночного дождя реку и доставить в лагерь унесенные ветром в тундру надутые лодки (Захаров, 2001).

Разрез волжского яруса на р. Дябака-Тари оказался ограничен средне- и верхневолжским подъярусами, но этот стратиграфический интервал представлен очень полно. Все группы беспозвоночных – аммониты, белемниты, двустворки, гастроподы и брахиоподы – оказались представленными очень богато. Среди собранных нами беспозвоночных оказалось немало новых для науки таксонов, например, род *Taimyrosphinctes* (перисфинктидный аммонит), подрод *Boreioxytoma* (беззубая двустворка) и ряд новых видов среди всех групп моллюсков. В.Н. собрал из этого разреза большую коллекцию белемнитов, которую позже использовал при работе

над двумя монографиями по верхнеюрским и нижнемеловым белемнитам севера Сибири.

Послесловие

Осенью 1965 года молодая журналистка получила задание от редакции газеты «Вечерний Новосибирск» подготовить очерк о молодом научном сотруднике одного из институтов недавно образованного Сибирского отделения АН СССР, желательно кандидате наук. Профессия геолога в те далекие шестидесятые годы еще была овеяна романтикой походов в труднодоступные места Сибири и Дальнего Востока. Поэтому, видимо, не случайно корреспондент пришла в институт Геологии и геофизики СО АН. Ученый секретарь направил журналистку к профессору А.М. Обу, который и посоветовал ей встретиться со мной, только что защитившим диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. Встреча состоялась в двухкомнатной квартире панельного дома по улице Ученых, в которой тогда проживали мы с женой и двухлетним сыном. В процессе чаепития я рассказал о детских и юношеских увлечениях окаменелостями, о студенческих годах и учителях, об участиях в начале 60-х годов совместно с В.Н. Саксом в заполярных экспедициях на север Сибири, о значении исследований мезозойских моллюсков для геологической теории и практики. В это время сын ползал по полу, перекидывая с места на место какие-то окаменелости. И этот факт нашел отражение в очерке, опубликованном позднее в газете. Появление очерка вызвало неожиданно острую негативную реакцию самых близких коллег – супругов А.А. и А.С. Дагис. Я был обвинен ими в саморекламе и преувеличении своих достижений в науке. Особенно агрессивно вела себя супруга Дагиса. «Альгирдас Станиславович, сказала она, несравненно более крупный ученый, но он о себе не пишет» (!?). А.С. высказался, как всегда, цинично и в язвительной форме: «Ты, вроде, не артист, чтобы себя хвалить в газете». Я согласился с относительной оценкой супруги, но заметил, что сам о себе не писал. Это была первая, но так и не залеченная «трещина» в моих некогда дружеских отношениях с Дагисами.

Литература

- Гольдин С.В., Добрецов Н.Л., Каныгин А.В. и др. К 70-летию со дня рождения Альгирдаса-Зенона Станиславо Дагиса // Геология и геофизика. 2002. Т. 43. № 9. С. 888–890.
- Захаров В.А. Воспитание доверием (воспоминания о В.Н. Саксе) // В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики. Новосибирск: Изд-во СО

- РАН, Филиал «Гео», 2001. С. 139–153.
- Захаров В.А. Свеча горела... (памяти Михаила Семеновича Месежникова) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2006. Т. 14. № 5. С. 140–143.
- Захаров В.А. «Полярный волк» Ефимус // Российские недра. 2009. № 9(89). С. 7.
- Материалы по биостратиграфии, фауне и флоре фанерозоя России, Атлантики и Антарктиды (Тр. НИИГА–ВНИИОкеангеология. Том 226). СПб: Ротапринт, ВНИИОкеанология, 2013. С. 201–202.
- Юдовный Е.Г., Басов В.А. Н.И. Шульгина (1926–1996) // На пути к недрам Арктики, Антарктики и мирового океана. Очерки об ученых-геологах НИИГА–ВНИИОкеангеология. Вып. II. Ч. 2. СПб: Ротапринт, ВНИИОкеангеология, 2007. С. 78–85.

Memories associated with the immersion into being a paleontologist

Zakharov V.A.

Geological Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow; mzarctic@gmail.com

The author shares his memories and impressions of the first field expeditions in early 1960s, just after graduating from the Leningrad Mining Institute. The first expedition in the summer of 1960 was associated with the study of the Upper Triassic and Lower Jurassic on the Viliga river, flowing into the Sea of Okhotsk. The second expedition in the summer of 1961 was to the north of Eastern Siberia (Taymyr peninsula). One of its episodes, concerning a visit to the Volgian section at the Dyabaka-Tari River, is described. Substantial attention is paid to the working conditions in the Far North, and to the description of everyday life in the field camp.